И.В. ПОЛОЗОВА

ТРАДИЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА В ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ САРАТОВСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Саратовское старообрядчество имеет значительную историю и богатые культурные традиции. Первые старообрядцы на саратовской земле появились сразу после раскола. К ним можно причислить как часть местного населения, не принявшую церковную реформу, так и выходцев из Москвы, позже – Нижнего Новгорода и Ветки. В XVIII–XX вв. в регионе создаются знаменитые на весь старообрядческий мир иргизские и черемшанские монастыри, которые во многом организовывали духовную жизнь большой части населения губернии, а также их развитие способствовало активному распространению старообрядчества в регионе. Кроме монастырей в городах и сёлах создаётся большое число старообрядческих приходов и общин самых разных толков и согласий. Наряду с основными согласиями поповского и беспоповского толков, представленными белокриничниками, беглопоповцами, поморцами, федосеевцами и спасовцами, здесь бытовали и малораспространённые старообрядческие согласия: аминовцы, безаминовцы, бескрещеванцы, левяки, правяки, некаевцы, отчаянные, перекрещеванцы, подпольники, странники, средники, сухарники и др. По документам Саратовской духовной консистории во второй половине XIX в. в Саратовской епархии действовали общины следующих согласий: белокриничники, беглопоповцы (к ним отнесены старообрядцы, приемлющие беглое священство, сухарники, водяники и ангело-причастники) и беспоповцы (поморцы, поморцы-наречники, федосеевцы-девственники, федосеевцы-женатые, филипповцы, тропарщики, даниловцы, спасовцы, венчающиеся и крестящие в пра-

Полозова Ирина Викторовна – к. искусствоведения, Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова, г. Саратов

вославной церкви, спасовцы-нетовцы, спасовцы-самокрещенцы). В настоящее время саратовское старообрядчество представлено ведущими согласиями, к ним относятся: белокриницкое, беглопоповское, поморское, федосеевское и спасово.

Изучение церковно-певческой культуры саратовских старообрядцев показывает, что певческое дело в общинах было поставлено хорошо, особенно в конце XVIII–начале XX вв. Именно в это время в регионе создаётся множество певческих рукописей, формируется местная исполнительская традиция. Однако следует учитывать тот факт, что старообрядческая культура интровертна и в её функционировании господствует охранительный механизм. Поэтому, безусловно, местная певческая практика во все времена базировалась на традициях средневекового богослужебного пения. Кроме того, во многом формирование местных певческих традиций опиралось на другие региональные старообрядческие центры. Так, приверженцы поповских согласий, прежде всего беглопоповского, к которому относятся иргизские монастыри, опирались на певческие традиции, сложившиеся на Ветке, откуда на Иргиз прибыли первые насельники. Старообрядцы беспоповских согласий опирались на поддержку Выга и других регионов, например, основателями поморского и федосеевского согласий в крупнейшем центре старообрядчества губернии – Самодуровке – были жители Московской губ. и т.п.

Вынужденная миграция старообрядцев в XVII–XIX вв. привела к тому, что в богослужебном пении саратовские старообрядцы часто пользовались рукописями иного регионального происхождения. Об этом свидетельствуют владельческие записи в книгах. В Москве был создан Сборник ЗНБ 138 («Написана сия книга Ирмосы и Октоиха. Во царствующем граде Москве, во святой чюдотворной лавре в Чюдовом монастыре, при архимандрите Адриане, в лето 7194, а от Рождества по плоти Божия слова 1685...»), Нижнем Новгороде – Октоих ЗНБ 2814 («писал сию святую и богодухновенную книгу охтай чернораменских устинских лесов келейной житель старец Василий»), Костроме – Азбука демественного пения ПКМ 2648 и др. Нередко саратовские старообрядцы приобретали рукописи, бывшие в пользовании единоверцев других регионов: Архангельской («Сия книга глаголемая праздники вельской округи хозминской волости пономаря

Прокопия Кирилова своя собственная а не казенная, подписал своеручно архангелогородской семинарии сын его Федор Кирилов» [ЗНБ 1085]; «Сия книга архангелогородскаго Полку Четвертыя Роты солдата Алексея» [ЗНБ 1129]) и Костромской губ. («Великому господину Преосвященнейшему Симону Епископу костромскому и галицкому Покорнейшее прошение» [ЗНБ 1286]), Оренбурга («Сей октай пренадлежит Оренбургскому мещанину Илье Иванову Тимину» [ХКМ 7017]) и др. Миграция певческой книги и её употребление за богослужением в разных регионах страны косвенно свидетельствуют об общности старообрядческой певческой культуры.

Преемственность певческой традиции проявляется и в наследовании старообрядцами разных регионов общих стилевых признаков оформления певческих рукописей. Как известно, в XVIII в. в Выговском общежительстве вырабатывается поморский стиль оформления, получивший широкое распространение в рукописной практике старообрядцев, прежде всего поморского согласия. В певческих рукописях саратовского происхождения поморский орнамент встречается систематически, а книги, оформленные в поморском стиле, особенно чтятся современными носителями традиции. Саратовские переписчики на протяжении XIX–начала XX вв. творчески осваивали и развивали традиции поморского книгописания. Причём, поморский орнамент присутствует как в книгах беспоповцев, так и в рукописях поповских согласий.

Так, в основе оформления рукописей саратовских беспоповцев лежит выговская традиция и широко употребляются элементы поморского орнамента. Здесь нередко используются типичные для поморского стиля растительные украшения, высокие полихромные инициалы, характерная цветовая гамма [ЗНБ 1538; МГУ 587, 1234, 1815, 1893, 1939; СОУНБ 306320, 306338, 306343; СПО 101, 102; ХКМ 12910]. Однако поморский орнамент в местной рукописной практике второй половины XIX–первой половины XX вв. претерпевает некоторые изменения, направленные на упрощение письма. В рукописях постепенно исчезает многоцветие поморского орнамента, упрощаются вязь, начертания инициалов, заставки становятся крайне примитивными либо отсутствуют вовсе, письмо часто близко небрежному.

В певческих рукописях иргизских монастырей выговское письмо воспроизводится также неоднократно. Здесь мы находим парящий, лёгкий, но при этом более сложный и даже изощрённый характер орнаментации. Искусные украшения поморского орнамента присутствуют в Ирмологии ЗНБ 2843 с великолепными изображениями фигурок птиц, заставками-рамками растительно-геометрического характера, киноварной вязью. В цветовом оформлении рукописи присутствует много золотого, тёмно-зелёного и тёмно-красного оттенков. Триодь ХКМ 7009 иргизского происхождения также имеет украшения поморского типа. Для неё характерны краски тёмных оттенков, богато оформленные инициалы, сопровождаемые украшениями по полям, в началах разделов рамки и инициалы с растительным орнаментом. Аналогичные приёмы декорирования встречаются в Ирмологиях СОУНБ 306341, 306320, ХКМ 12910, Праздниках СОУНБ 306338 и др. Следует отметить, что в местной оформительской традиции при использовании поморского орнамента отсутствует каллиграфическая изысканность вязи, столь типичная для Выга. Вязь в рукописях саратовского происхождения, как правило, легко поддаётся прочтению, не приобретая характер «тайнозамкненности».

Следование традициям Русского Севера проявляется и в области певческого искусства. Певческие книги, по которым пели и поют саратовские старообрядцы, содержат песнопения разных редакций, среди которых неоднократно встречаются монастырские напевы Русского Севера. Как известно, монастырские напевы получают наибольшее своё распространение в богослужебной певческой практике XVI–XVII в. Созданные в разных обителях, они пополнили круг многораспевных песнопений и обогатили собственно певческую составляющую службы. В этот период формируется несколько крупных певческих центров: Москва (Троице-Сергиев, Чудов монастыри) и Великий Новгород (Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Псковско-Печерский монастыри), в каждом из которых создаются свои неповторимые редакции песнопений, впоследствии получившие распространение в разных регионах страны.

Среди песнопений севернорусской редакции (термин Г.А. Пожидаевой), следует отметить задостойник Пасхи, который в са-

ратовских рукописях встречается в разных вариантах и среди них неоднократно присутствует «соловецкий путь». Например, в Сборнике середины XVII в. из собрания одного из иргизских монастырей или в Сборнике ЗНБ 1737, где он выписан с самоназванием «путевой». Вероятно, данный напев был широко распространён, причём, не только в севернорусской традиции. Его фиксацию мы находим в рукописи последней четверти XVII в. (РГБ, собр. Разумовского, №18, л.95об.–96: Г.А. Пожидаева атрибутирует его как путевой распев соловецкого «перевода»), XVIII в. (ГПБ, Соловецкое собр. №671/622, л.108об.–109 и др.). В библиотеке современной общины поморского согласия Саратова севернорусская традиция также находит своё отражение. Например, задостойник Пасхи записан «демеством. Псковский перевод» в Обиходе середины XIX в. и Обиходе второй половины XIX в. (инв. №287) и т.п.

В целом, следует отметить, что в саратовских рукописях беспоповских согласий в выборе певческих вариантов севернорусские варианты присутствуют чаще, нежели в книгах поповского толка. Как показывает сравнительный анализ, если певчие поповских согласий опирались на напевы, бытующие в иргизских и черемшанских монастырях, то в памятниках беспоповцев господствуют другие мелодические варианты. Кроме того, некоторые беспоповские общины придерживались наонного пения, предполагающего иную практику литургического произношения, поэтому их напевы не могли быть идентичными тем, что звучали в местных монастырях. Кроме того, старообрядцы беспоповских согласий в своей певческой практике ориентированы только на дореформенные варианты знаменного распева. Они постоянно указывают на то, что раньше исполняли песнопения путевого и большого распева, псковского напева, и т.п. В то же время для последователей поповских согласий характерна большая гибкость и приверженность к более поздним распевам, например, болгарскому. В этом заключается важная психологическая константа последователей беспоповского и поповского толков: если первые принципиально консервативны, то вторые в своих воззрениях оказываются более толерантными, в том числе и относительно процесса обновления певческой культуры.

Как следует из рукописей и современной практики, для сара-

товских беспоповцев эталоном пения оказывается не хорошо развитая местная монастырская традиция, а напевы, имеющие иное региональное происхождение: среднерусской (троицкая редакция) и северной (соловецкий «перевод») традиции, а также напевы, пришедшие с Выга. На это указывают и современные носители традиции, с гордостью подчёркивая преемственность певческой культуре Русского Севера. При этом действие охранительного механизма не приводит к стагнации певческой культуры, оно допускает и очень постепенное, плавное её обновление.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Саратовские епархиальные ведомости. 1887. №12. С.399.

2. Монастырские напевы XVI–XVII: Традиции русского церковного пения. Вып. II // Перевод крюкового письма Г. Пожидаевой. М., 2001. С.108; Успенский Н.Д. Образцы древнерусского певческого искусства. Л., 1968. С.90–91.

Сокращения

ГПБ – Государственная публичная библиотека.

ЗНБ – Отдел редкой книги и рукописей Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

МГУ – Отдел рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

ПКМ – Пугачевский краеведческий музей.

РГБ – Российская государственная библиотека.

СОУНБ – Отдел редких книг и рукописей Самарской областной научной библиотеки.

СПО – библиотека общины поморского согласия г. Саратова.

ХКМ – Хвалынский краеведческий музей.